

Эдвард Бэнфилд

**Моральные основы
отсталого общества**

IN LIBERTY

Библиотека свободы

Эдвард Бэнфилд

**Моральные основы
отсталого общества**

«Новое издательство»

1958

УДК 316.3
ББК 71.05

Бэнфилд Э.

Моральные основы отсталого общества / Э. Бэнфилд — «Новое издательство», 1958 — (Библиотека свободы)

ISBN 978-5-98379-242-5

Классика послевоенной политической науки, книга Эдварда Бэн фил да отвечает на вопрос, откуда в обществе берется неспособность объединяться и координировать свои действия, которая приводит к отсутствию политических институтов и экономического развития.

УДК 316.3
ББК 71.05

ISBN 978-5-98379-242-5

© Бэнфилд Э., 1958
© Новое издательство, 1958

Содержание

Введение	8
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эдвард Бэнфилд

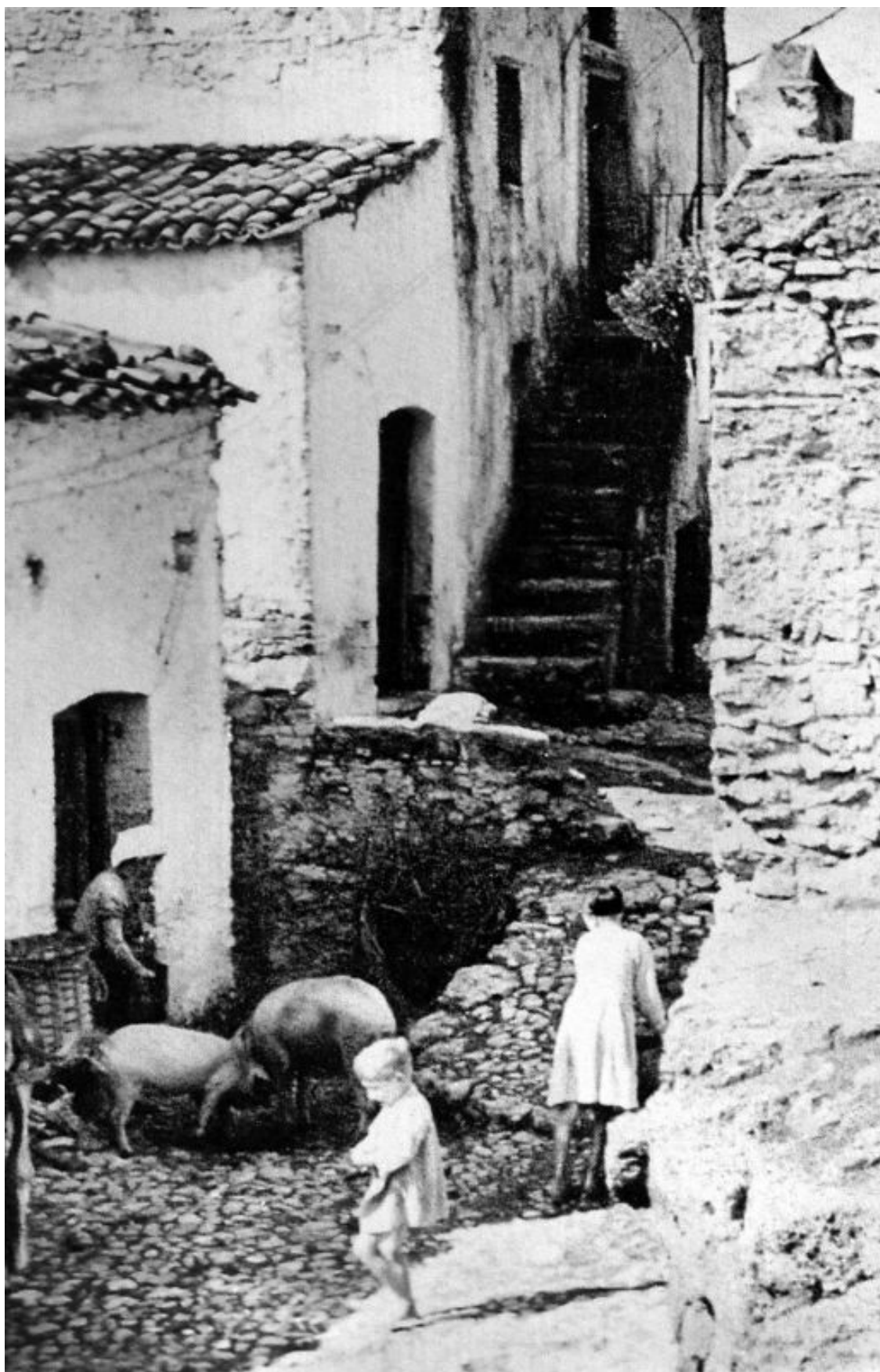
Моральные основы отсталого общества

В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна

– *Томас Гоббс. Левиафан*¹

¹ Рус. пер. А. Гутермана (здесь и далее примечания под звездочкой принадлежат переводчику).

Введение

В демократических странах умение создавать объединения – первооснова общественной жизни; прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области.

Алексис де Токвиль. Демократия в Америке²

Большинство из живущих на свете людей за всю свою жизнь так и не становятся членами сообщества крупнее семьи или племени. За пределами Европы и Америки согласованное поведение в рамках политического объединения и корпоративной организации – явление редкое и недавнее.

Отсутствие согласованного поведения – важный фактор, препятствующий экономическому развитию на большей части земного шара. У народа, неспособного к организации, не может быть современной экономики. Выражаясь положительно, чем выше желаемый уровень жизни, тем больше необходимость в организации.

Неспособность к организации препятствует также и политическому прогрессу. Успешное самоуправление зависит среди прочего от способности объединять усилия большого числа людей для дел, представляющих общественный интерес. Объединяться в политических целях людям мешают те же самые факторы, что препятствуют их объединению ради экономических целей. «Самой демократической страной в мире, – отмечал де Токвиль, – является та из стран, где в наши дни люди достигли наивысшего совершенства в искусстве сообща добиваться цели, отвечающей их общим желаниям, и чаще других применять этот новый метод коллективного действия»³.

Мы склонны считать само собой разумеющимся, что экономические и политические объединения быстро складываются всюду, где это позволяют технические навыки и природные ресурсы. Если уровень технического развития достаточно высок, чтобы объединение усилий значительного числа людей давало значительную выгоду, откуда-то сами собой берутся капитал и способность к организации, начинают возникать и расти объединения. Это – удобное и широко распространенное представление.

Представление это ошибочно, поскольку не учитывает решающего значения культуры. Люди живут и мыслят очень по-разному, причем образ жизни и мыслей многих из них прямо противоречит требованиям формальной организации. Так, невозможно создать мощное объединение там, где для удовлетворения своих потребностей достаточно протянуть руку и сорвать кокос. Не создашь мощного объединения и там, где никто не станет выполнять приказы или инструкции.

Способность незападных культур достичь высокого уровня организации, без которого невозможны современная экономика и демократическое политическое устройство, вызывает определенные сомнения. Представляется, что лишь одна культура – японская – при полной непохожести на нашу способна к такому уровню организации. Чтобы в Китае, Индии и других слаборазвитых странах индустриализация не осталась явлением исключительно поверхностным, этос этих культур должен допускать внедрение коллективных форм действия.

Способность той или иной культуры к организации нельзя мерить количеством и величиной объединений. Объединение может иметь в своем составе много членов и охватывать большую территорию, но при этом почти ничего не делать. При оценке способности культуры

² Рус. пер. В. Т. Олейника.

³ Tocqueville A. de. Democracy in America. New York: Knopf, 1945. Vol. II. P. 107 [Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. Т. 2. С. 379].

к организации наряду с количеством и величиной объединений необходимо принимать в расчет их эффективность, то есть соотношение затрат на деятельность и отдачи от нее. При этом надо также учитывать характер целей и ценностей этих объединений: очевидно, что одно дело – эффективность в достижении простой цели и совсем другое – в выполнение трудной и многосоставной задачи. Так, например, если какая-то культура способна содержать эффективные вооруженные силы, это еще не значит, что ей под силу решение бесконечно более сложной задачи создания индустриального общества, способствующего защите и развитию человеческой личности. Принимая решение этой последней, самой важной и сложной задачи за критерий высокого уровня организации, еще труднее представить, каким образом его достигнет большинство незападных культур, если только в них не произойдет коренных перемен или не проявятся их скрытые пока возможности.

Очевидно, что культура может служить ограничивающим фактором, который определяет степень и характер организованности и тем самым прогресса в менее развитых частях света. Но при этом не очень ясно, в чем именно заключается несовместимость между конкретными культурами или их отдельными аспектами и конкретными формами или степенями организованности. Мы очень мало знаем об этом даже в применении к нашему собственному обществу. Как, например, в рамках нашей культуры влияют на способность к организации различные классовые, этнические и половые особенности?

Эта книга – исследование культурных, психологических и моральных предпосылок возникновения политических и иных объединений. Метод исследования – доскональное изучение факторов, препятствующих коллективным действиям в культуре, не вполне нам чуждой, но тем не менее отличной от нашей и в некоторых отношениях очень сходной с культурами Южного Средиземноморья и Леванта.

В книге рассказывается об одной коммуне на юге Италии. Крайняя бедность и отсталость этой коммуны во многом (но не целиком) объясняются⁴ неспособностью ее жителей объединить усилия ради общего блага и вообще ради любой цели, кроме краткосрочного материального интереса нуклеарной семьи. Неспособность к совместным действиям с кем-то, кроме ближайших родственников, обусловлена этосом⁵ «аморального фамилизма», сформировавшимся под совокупным влиянием трех факторов: высокой смертности, определенных особенностей системы землепользования и отсутствия института расширенной семьи.

Мы с женой и двумя детьми, которым тогда было восемь и десять лет, прожили в коммуне Монтеграно (название вымышленное, как и все местные топонимы) девять месяцев в 1954–1955 годах. С помощью студента-итальянца моя жена опросила около семидесяти человек, в основном крестьян. (Я итальянским языком вообще не владел и за время пребывания в Монтеграно приобрел в нем лишь зачаточные знания.) Кроме того, мы использовали данные из переписных листов и других официальных источников, из учетных книг и автобиографических записок, которые крестьяне вели по нашей просьбе, а также результаты тематических апперцептивных тестов.

В нашем случае было нерационально применять научные методы выборки – это не оставило бы нам времени на проведение интервью. Поэтому мы не знаем, насколько репрезента-

⁴ Объяснение – это, по словам Юма, место, где разум замирает в удовлетворении. Одни объяснения, рассматриваемые (глава вторая) или предлагаемые (глава восьмая) в этой книге, носят каузальный характер, то есть являются местами, где разум останавливает поиск необходимых предпосылок некоего события. Другие (глава пятая) как минимум на первый взгляд отличаются от первых: они представляют собой места, где разум удовлетворенно замирает, отыскав общие черты в явлениях, вроде бы никак между собой не связанных.

⁵ Вслед за Уильямом Самнером «этос» понимается нами как «совокупность характерных обыкновений, идей, стандартов и кодов, посредством которых группа отличается и индивидуализируется по характеру от других групп» (Sumner W.G. *Folkways: A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores, and Morals*. 1906. P. 36 [Самнер У. Г. Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики // Рубеж: Альманах социологических исследований. 1998. № 12. С. 29]).

тивно проведенное нами исследование; нам представляется, однако, что оно вполне репрезентативно в отношении жителей города Монтегрانو и достаточно репрезентативно в отношении населения окружающей сельской местности. Мы не имеем данных, чтобы судить, насколько эта коммуна репрезентативна для южной Италии в целом, но по ряду свидетельств, в том, что касается нашего исследования, это «типичный юг», если включать в это понятие остальную Луканию⁶, Абруцци, Калабрию, внутренние районы Кампании и прибрежные части Катании, Мессины, Палермо и Трапани⁷.

Коль скоро мы не хотим ничего «доказывать», а намерены лишь в общих чертах изложить и проиллюстрировать теорию, которую может тщательно проверить любой желающий, нам кажется, что собранных нами данных, какими бы скудными они ни были, вполне достаточно. Во всяком случае, они явно демонстрируют оправданность систематического исследования в этом направлении. До тех пор пока такого исследования не проведено, высказанные нами соображения должны восприниматься исключительно как гипотеза.

Некоторым читателям может показаться, что аморальный фабилизм в том или ином виде присущ любому обществу – американскому не меньше, чем южноитальянскому. На это мы отвечаем, что аморальный фабилизм – это тип поведения или синдром; общество, в котором наблюдаются *отдельные* симптомы этого синдрома, очевидным образом отличается от общества, в котором *все* такие симптомы налицо. Кроме того, важна степень поражения: несмотря на своекорыстие и беспринципность большинства его членов, общество не становится аморально-индивидуалистическим (или аморально-фабилистическим), если в нем хоть сколько-то силен дух гражданской солидарности или хотя бы «просвещенного» эгоизма.

За проявленное внимание к нашей работе и оказанное ей содействие мы выражаем признательность профессору Манлио Росси-Дориа и доктору Джильберто Марселли из Высшей сельскохозяйственной школы в городе Портичи, а также доктору Джузеппе Барберо и доктору Джузеппе Орландо из римского Национального института сельского хозяйства. Синьор Джованни Джура, ныне живущий в Чикаго, помогал нам в полевой работе в Монтеграно. Доктор Ивано Ринальди из Перуджи провел тематические апперцептивные тесты в Ровиго и снабдил нас сведениями об организации общества в этой провинции.

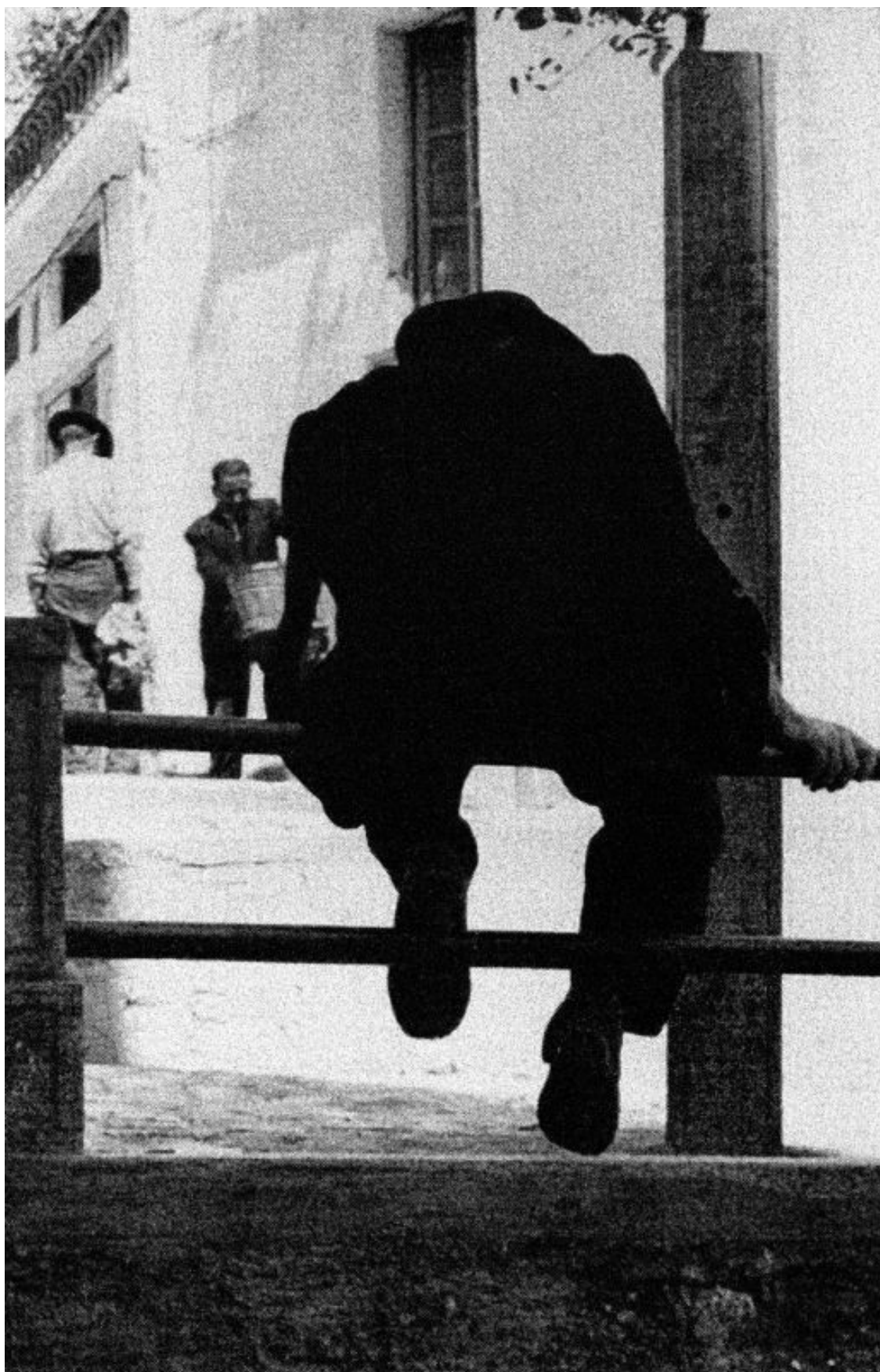
Мы считаем необходимым поблагодарить отделение общественных наук Чикагского университета, обеспечившее финансирование нашей работы Фондом Форда, и Совет по исследованиям в области общественных наук, также поддерживавший нас дополнительным грантом.

Приносим благодарность издательству Farrar, Straus, and Cudahy за разрешение цитировать книгу Карло Леви «Христос остановился в Эболи» и Дональду Питкину за разрешение цитировать его диссертацию «Землепользование и структура семьи в одной итальянской деревне».

Повествование в настоящем времени описывает положение вещей в 1955 году.

⁶ Автор везде использует административное деление, введенное при Муссолини и действовавшее в 1932–1947 годах.

⁷ Австралийский демограф Дж. С. Макдональд показал, что уровень эмиграции из этих областей, где «люди связывали свои экономические ожидания исключительно с благополучием собственной нуклеарной семьи», выше, чем из других сельскохозяйственных регионов (то есть из Венето, Эмилии-Романьи, Тосканы, Умбрии и Марке), «где стремление улучшить материальное положение выражается в согласованных совместных действиях» (McDonald J.S. Italy's Rural Social Structure and Emigration // Occidente. 1956. Vol. XII. № 5. P. 437–455).

Глава 1

Наблюдения и вопросы

Американцам привычна бурная коллективная деятельность, направленная, по крайней мере отчасти, на укрепление благополучия местного сообщества. Так, например, в одном из номеров еженедельной газеты, издаваемой в Сент-Джордже (население 4562 человека), штат Юта, сообщается о целом ряде разнообразных начинаний на пользу общества. Красный Крест проводит кампанию по привлечению новых членов. Для сбора денег на новое общежитие двухгодичного колледжа Клуб деловых женщин и женщин-специалисток устраивает цирковое представление, в котором члены клуба исполняют роли клоунов и дрессированных животных. «Будущие фермеры Америки» (чья цель состоит в том, чтобы «личным и коллективным примером способствовать развитию у занятых в сельском хозяйстве навыков лидерства, сотрудничества и социальной ответственности») устраивают банкет для представителей разных поколений. Местная компания дарит школьному округу многотомную энциклопедию. Торговая палата обсуждает возможность соединить два соседних городка дорогой с твердым покрытием. Идет запись в волонтеры Гражданской противовоздушной обороны. Церковный приход собрал 1393 доллара и 11 центов мелочью для детской больницы в 350 милях от Сент-Джорджа. Фермерский совет округа самолетом отправляет одного из своих членов за 2000 миль в Вашингтон для участия в дебатах по вопросам аграрной политики. В школах проходят собрания родительских комитетов. «Если вы – ответственный гражданин нашего местного сообщества, – говорится в заметке, – вы состоите в родительском комитете».

Ничего подобного не увидишь в Монтеграно, коммуне с населением 3400 человек в провинции Потенца на юге Италии⁸. Коммуна состоит из городка, белыми пчелиными сотами прилепившегося на вершине горы, и двадцати семи квадратных миль полей и лесов вокруг. Треть населения коммуны живет в мелких хозяйствах, раскиданных у подножья горы и в долине. Остальные обитают в городке, но поскольку в основном это крестьяне и наемные сельскохозяйственные работники, большую часть дня они проводят в полях и на извилистых тропах между городком и долиной.

В Монтеграно, как и в тринадцати других городках, разбросанных на вершинах в пределах видимости, нет своей газеты. Интересные всем новости – «на *пьяццу* привезли продавать рыбу по 100 лир за килограмм» – разносит городской глашатай в форменной кепке и с медным рожком, трубя в который он привлекает внимание публики. Официальные сообщения вывешиваются в государственной лавке, монопольно торгующей солью и табаком, и на доске объявлений в мэрии. Раз в один-два дня автобус привозит несколько экземпляров трех или четырех газет, выходящих в Риме, Неаполе и Потенце; понятно, что о про исходящем в Монтеграно в этих газетах почти никогда не пишут, и поэтому их мало кто читает.

Двадцать пять мужчин из высшего класса образуют местное «общество» – у них есть специальная зала, где они собираются поговорить и сыграть в карты. Это единственное объединение в городе. Ни одному из его участников ни разу не пришлось в голову заняться вопросами жизни коммуны или осуществить какое-нибудь «начинание»⁹.

⁸ Италия разделена на 92 провинции. Провинция Потенца включает в себя 97 коммун и занимает площадь 2527 квадратных миль. Ее население в 1951 году составляло 435495 человек. Провинции Потенца и Матера образуют область Лукания или, по прежнему названию, Базиликата. Краткое информативное описание физической и социальной географии южной Италии см.: Dickinson R.E. The Population Problem of Southern Italy. Syracuse: Syracuse University Press, 1955.

⁹ Дж. С. Макдональд сообщает мне в частном письме, что в большинстве коммун Калабрии с населением более 2000 человек имеется «общество благородных» (*circolo dei civili*), а в некоторых и «простонародное общество», но «они служат исключительно для совместного времяпрепровождения. Укромные питейные заведения тоже играют важную роль: там собирается местный преступный мир. Никаких других устойчивых досуговых объединений (помимо семейно-родственных групп)

Коммерсанты Монтегрانو понимают, как важны для них хорошие дороги. Но они и не надеются достучаться до властей, которые решают, какую дорогу отремонтировать. Любой житель Монтегрانو может написать письмо в Потенцу провинциальным властям или в тамошнюю газету, но результата это, скорее всего, не даст. Наоборот, чиновники могут возмутиться тем, что кто-то, как им кажется, лезет в их дела.

Организованной благотворительности в Монтегрانو нет. В полуразрушенном старинном монастыре монахини, едва сводя концы с концами, содержат приют для девочек. Жители Монтегрانو приюту не помогают, хотя все воспитанницы там – из местных семей. Монастырь разваливается, но ни один из множества полубезработных каменщиков ни дня не уделил его восстановлению. Дети в приюте живут впроголодь, но ни один из крестьян или землевладельцев ни разу не пожертвовал им поросенка.

В городке две церкви и два священника: один – сын сицилийского крестьянина, другой – преуспевающего коммерсанта из Монтегрانو. Церкви не занимаются благотворительностью, не помогают нуждающимся и никак не участвуют в мирских делах коммуны. Даже в вопросах религии их влияние не слишком велико. Утром по воскресеньям жизнь городка идет будничным чередом: каменщики, как всегда, в семь начинают трудиться на стройке, лавки открыты, земледельцы со своими осликами спускаются на работу в долину. Из 3400 жителей коммуны воскресную мессу посещает не более 350 человек. В основном это женщины. Те немногие мужчины, что приходят в церковь, остаются стоять у входа, как бы давая понять, что не так уж они и набожны. На блюдо для пожертвований многие прихожане не кладут ничего, и мало кто жертвует больше полуцента (пяти или десяти лир). Мужчины Монтегрانو традиционно настроены антиклерикально. Традиция эта восходит к прошлому веку и более ранним временам, когда церковь имела на юге Италии обширные земельные владения, а ее служители славились жестокосердием и безнравственностью. Сейчас в коммуне Монтегрانو ей принадлежит одно небольшое хозяйство, а оба священника, по общему признанию – люди отзывчивые и весьма достойные. Тем не менее многие в Монтегрانو упорно считают вообще всех священников стяжателями, лицемерами, а то и кем похуже.

На вопрос, кто больше всех думает об интересах жителей коммуны, кто скорее проявит инициативу в решении вопросов улучшения общественного благосостояния, отдельные представители высшего класса называют барона ди Лонго и полковника Пьенсо – оба живут в Риме и, как считается, пользуются там влиянием. Большинство, однако, говорит, что в Монтеграно никто особенно об общей пользе не задумывается, а некоторые вообще не понимают, что такое забота об общей пользе. Когда интервьюер объяснил молодому учителю, что бывают люди, которые что-то делают ради всех, а не только для самого себя, тот сказал:

Никто у нас в городе не горит желанием делать добро всем, кто тут живет. Даже если кажется, что кто-то хочет всем добра, на самом деле он ищет свою выгоду и обдeldывает свои дела. Ведь и святые – смиренные-смиренные, а о себе не забывали. Чего уж тогда от простого человека ждать?

По словам другого учителя, мало того что никто не заботится об общем благе, так многие еще и рады помешать успехам другого:

На самом деле, я ни разу не видел такого, чтобы кто-то хотел хорошего для всех. Наоборот, я вижу, как страшно все завидуют чужим деньгам и чужому уму.

В некоторых городах Южной Италии аристократы, по рассказам, безразличны к бедственному положению крестьян и отчаянно ненавидят друг друга. В Монтегрانو не так. Первые семьи коммуны нормально ладят между собой, а многие из представителей высшего класса

относятся к крестьянам с явным сочувствием. Но при всем своем сочувствии существующее положение вещей они изменить не пытаются.

* * *

Жизнью коммуны управляют мэр, выборный городской совет и сидящие в Потенце провинциальные чиновники во главе с префектом. Мэр с советом полагают, а префект располагает. Без одобрения из Потенцы не купить даже пепельницу в мэрию; обычно спустя какое-то время решения местных выборных должностных лиц получают оттуда подтверждение, но так бывает не всегда и, разумеется, каждый раз приходится принимать в расчет возможность отказа.

Префекта в Монтеграно представляет секретарь коммуны, кадровый администратор, назначаемый из Потенцы. С помощью двух канторских служащих секретарь занимается повседневными делами коммуны: ведет налоговый учет, регистрирует акты гражданского состояния и по указанию вышестоящего начальства производит выплаты из бюджета.

Мэр избирается на четыре года и жалованья за свою работу не получает. Он представляет коммуну на официальных мероприятиях, руководит муниципальными служащими, выступает законным представителем коммуны в переговорах с третьими сторонами, в ряде ситуаций исполняет функции нотариуса. Выборный городской совет на практике власти почти не имеет. На созываемых мэром заседаниях совета редко собирается кворум.

Выборные городские должности в основном занимают канторские служащие, ремесленники и зажиточные крестьяне, а не представители местной верхушки. Мэр, например – отставной армейский унтер-офицер и мелкий землевладелец. Кроме него, в совете заседают отставной унтер-офицер карабинеров (заместитель мэра), четверо ремесленников и лавочников, пятеро служащих, пятеро учителей, двое крестьян и адвокат. Из всех них только адвокат принадлежит к местному высшему обществу, но и его социальный статус не слишком высок.

Школы находятся вне ведения выборных городских властей. Директор школьного округа, подотчетный непосредственно начальству в Потенце, живет в Монтеграно и управляет школами в нескольких коммунах. К организации общественных работ мэр и совет, как ни странно, тоже не имеют никакого отношения.

Полиция (*carabinieri*)¹⁰ также подчиняется не им, а Министерству юстиции в Риме. Местный начальник полиции (*maresciallo*) тесно сотрудничает с властями коммуны, но от этого не становится для них «своим». Начальника полиции принципиально никогда не назначают в его родной город; ему и его подчиненным не рекомендовано заводить слишком близких отношений с местными. С представителями всех слоев населения карабинеры обычно держат себя ровно, деловито и отстраненно.

* * *

Итальянская конституция гарантирует каждому ребенку возможность учиться в школе до 14-летнего возраста, однако много где в Италии, в том числе и в Монтеграно, есть только пятилетние школы. Если семья не может отправить ребенка учиться в другой город, он, как правило, заканчивает обучение в 11 или 12 лет.

Одна треть мужчин и две трети женщин, достигших в 1954 году 21-летнего возраста, учились в школе меньше пяти лет.

¹⁰ Здесь и далее автор смешивает карабинеров, которые подчиняются Министерству обороны и Министерству внутренних дел, и полицию, которая подчиняется Министерству юстиции.

Больше пяти классов окончили только пять процентов мужчин и меньше двух процентов женщин¹¹.

Школьники учатся четыре часа по утрам, шесть дней в неделю с середины сентября до середины июня. Школы скудно оснащены, учителям платят мало, ученики, а зачастую и учителя, пропускают занятия. После пятого класса некоторые дети еле-еле пишут, читают и решают элементарные арифметические задачи. Многие крестьянские дети через пару лет после окончания школы забывают все, чему научились. По словам местного чиновника системы образования, треть выпускников, в основном женщины, за несколько лет полностью разучиваются читать и писать. В то же время ежегодно, начиная с 1948 года, 12 мужчин оканчивают вечернюю школу для взрослых. Благодаря ей за восемь лет 96 человек (две трети из них – крестьяне и наемные сельскохозяйственные работники, а остальные – ремесленники) освоили – или восстановили – умение читать и писать.

До недавнего времени значительная часть детей, живущих за пределами городка, вообще не имела возможности посещать школу. Сейчас появились сельские школы, где занятия проходят в часы, наиболее удобные для семей земледельцев (в некоторых сельских школах уроки начинаются в 6 утра и заканчиваются в 10). В наши дни почти не осталось детей, которые не ходят в школу из-за того, что до нее слишком далеко.

Многие, однако, посещают школу нерегулярно. Школьная администрация, священники и полиция совместными усилиями убеждают родителей каждый день отправлять детей в школу; когда все средства убеждения исчерпаны, родителей злостных прогульщиков могут и оштрафовать. Некоторые крестьяне – потому, скорее всего, что не видят смысла в пяти годах школы при отсутствии возможности продолжить образование, – добровольно отпускают детей на учебу лишь до тех пор, пока они слишком малы для работы в поле.

По причине плачевного состояния школ и низкой посещаемости, а также из-за того, что система школьного образования плохо работала во время войны, в 1951 году неграмотными были приблизительно 30 процентов жителей Монтеграно в возрасте от 10 до 40 лет. Выше всего (44 процента) неграмотность была среди крестьян, живущих вне города.

Детей ремесленников после окончания пяти классов обычно отдают в подмастерья. Но чтобы не остаться на всю жизнь третьеразрядным специалистом в одной из традиционных профессий – портного, парикмахера, плотника, каменщика или кузнеца – ребенку надо сделать одно из двух: либо поступить в ремесленное училище, недавно открытое в соседнем городке, либо найти место подмастерья в большом городе. В городе он может выучиться на автомеханика, сварщика, мастера по ремонту пишущих машинок или приобрести какую-то другую специальность, которая позволит ему со временем перебраться на север. Но этот второй вариант мало кому доступен – лишь немногие из ремесленников могут себе позволить содержать ребенка вдали от дома. Даже в государственных ремесленных училищах родителям приходится платить за стол и жилье. А найти место подмастерья в большом городе, если там нет родни, мальчишке из Монтеграно практически невозможно.

Тем немногим мальчикам и девочкам, которые поступают в среднюю школу (с шестыми-восьмыми классами), тоже приходится уезжать из дома. Ближайшая средняя школа (*media*) находится в Бассо. От Монтеграно до Бассо недалеко, но расписание автобуса не позволяет ученикам каждый день ездить на занятия и обратно. Обучение в пансионе по меркам Монтеграно обходится чрезвычайно дорого. В пансионах заправляют представители городского среднего класса, и рассчитаны они на детей из городского среднего класса; так, каждый ученик должен иметь при себе *corredo*, приданое: шесть простыней и шесть наволочек, два одеяла строго определенного качества, две пары «повседневных» и одну – «выходных» туфель и т. д. По словам матери школьника из Монтеграно, *corredo* обходится приблизительно в 80 долларов, про-

¹¹ Подробности приведены в таблицах 1 и 2 в Приложении А.

чие расходы составляют около 25 долларов в месяц. Программа средней школы основное внимание уделяет латинскому и французскому языкам (английский не изучают даже в Миланском университете), истории, литературе и общественному знанию, фактически не включая в себя естественно-научных и технических дисциплин. Большинство учащихся средней школы предполагают со временем стать учителями, юристами, государственными служащими или врачами.

* * *

Роль политических партий в Монтеграно невелика. Фашисты время от времени собирали в городке митинги, на которые заставляли являться всех, кроме крестьян, в большинстве своем еще до зари уходящих в поля. Политические партии в привычном представлении появились здесь только после Второй мировой войны, но ни одна из них не добилась сколько-нибудь прочных позиций.

Так, Коммунистическая партия получила на последних выборах 1956 года 157 голосов, но партийной ячейки у коммунистов в Монтеграно нет. Их местный представитель – портной, который читает ежедневную коммунистическую газету L'Unità, но никаких других связей с партийными структурами не поддерживает. Взгляды его далеки от ортодоксальных:

Мы, коммунисты, люди на самом деле не такие плохие. Кроме хлеба и работы, нам больше ничего не нужно. Главное для нас – бороться, чтобы все в городе было по справедливости. Например, кто-то работал на постройке новой мэрии все время, с самого начала и до самого конца. А другие просились на стройку хотя бы на несколько дней, только чтобы на хлеб заработать, но им ничего не досталось. Это было несправедливо. А еще чиновники в мэрии получали посылки из Америки. С кем-то они делились, а с другими нет. Это тоже было несправедливо.

В конце войны Америка совершила огромную ошибку, уверен портной-коммунист:

Когда Америка оккупировала Италию, она должна была здесь остаться. Так для нас было бы намного лучше.

Директор школьного округа Фармузо – тоже коммунист и даже успел побывать коммунистическим мэром одного из окрестных городков. Он может обсуждать политику в частных, неформальных разговорах, но, будучи должностным лицом, в местных партийных делах участия не принимает. Во время предвыборных кампаний в Монтеграно приезжают коммунистические агитаторы из Бассо, городка побольше, где есть профессиональные партийные функционеры.

На крайне левом фланге наибольшим влиянием пользуется врач, доктор Джино, член Итальянской социалистической партии. Как и большинство врачей на юге Италии, он материалист и социалист по рождению, образованию и убеждениям. (Рассказывают, что отец крестил его именем Франко Маркс Джино, причем крестильная рубашка на нем была не белого, а красного цвета.) Доктору Джино принадлежит один из немногих в коммуне виноградников – всего несколько акров, благодаря которым тем не менее он является одним из крупнейших местных землевладельцев.

Как врач и как землевладелец доктор Джино много помогает людям. К тому же он – главный в высшем классе выразитель идеологии, требующей устранения классовых барьеров и справедливого перераспределения богатств. Соответственно, у него есть некоторое количество приверженцев, клиента из числа крестьян и ремесленников. Некоторые из них думают, что если кому-то из высшего класса и есть дело до благополучия простых людей, то только ему. Другие благодарны доктору Джино за врачебную помощь или надеются получить работу на его винограднике. При желании он мог бы расширить число сторонников и преобразовать

их поддержку в политический капитал. Но он слишком горд и слишком индивидуалистичен, чтобы подвергать себя неудобствам и рискам серьезной политической деятельности. «В политике очень много фальши, – объясняет доктор Джино. – Приходится заводить больше друзей, чем тебе нужно, и держать себя приветливо с людьми, с которыми совсем не хочется быть приветливым. А все потому, что надо постоянно думать об укреплении партии, о том, как привлечь в нее побольше народу». Его не прельщает перспектива в принудительном порядке посещать партийные собрания и выслушивать внушения за неосторожно высказанные мысли: «Боюсь не удержаться и послать их к черту».

В 1945 году, вскоре после окончания войны, доктор Джино преодолел свою неприязнь к политике и попытался создать в Монтеграно отделение Социалистической партии. По его призыву около ста человек собрались на пiazze и проголосовали за вступление в партию. Но как только из привезенных в Монтеграно бланков заявлений выяснилось, что придется платить взносы, интерес к членству в партии сразу угас. Доктор Джино из своего кармана заплатил по несколько лир за каждого подавшего заявление и никогда больше не пытался ничего организовать. «Я хотел, чтобы трудящиеся объединились, создали профсоюз... или хотя бы группу, чтобы вместе защищать свои интересы. Но это никому не нужно. У людей нет вкуса к совместной деятельности», – говорит он.

Если наличие патрона вроде доктора Джино приводит к возникновению клиентелы, то и наличие потенциальной клиентелы может привести к появлению патрона. Точно так же как кто-нибудь из семейства Рузвельт всегда находит целесообразным примкнуть к лагерю демократов, в каждом южноитальянском городке обязательно найдется хотя бы один человек свободной профессии, вставший на сторону трудящихся. Чтобы добиться положения среди христианских демократов, ему пришлось бы обойти многих других желающих, тогда как в качестве социалиста он вне конкуренции.

Самые сильные позиции в Монтеграно у Христианско-демократической партии, или «партии священников», как ее называют крестьяне. Местные священники и правда проявляют чрезвычайно высокую политическую активность, как на церковной кафедре, так и за стенами церкви. (Один из них даже ввязался как-то раз в кулачную драку на предвыборном собрании.) Другие видные христианские демократы – адвокат, обаятельный молодой человек, один из самых мыслящих людей в городе, и два отставных унтер-офицера, армейский и карабинер, соответственно, мэр и его заместитель. С учетом распространенного среди жителей коммуны антиклерикализма следует, видимо, полагать, что Христианско-демократическую партию избиратели поддерживают не благодаря, а вопреки ее связям с церковью.

Перед самыми выборами Христианско-демократическая партия раздает избирателям небольшие пакеты с макаронами, сахаром и одеждой – так называемые «подарки из Ватикана». Подаркам из любого другого места избиратели были бы рады не меньше. «Если русские пришлют каждому по 25 бушелей зерна, – говорил кандидат, потерпевший поражение на последних выборах, – люди завтра же проголосуют за то, чтобы выгнать христианских демократов со всех должностей».

Монархическая партия – единственная заметная сила на правом фланге. Ее поддерживают барон ди Лонго, другие землевладельцы и разрозненные представители всех остальных социальных слоев. Местный партийный секретарь – владелец бара, в прошлом унтер-офицер карабинеров. Монархическая партия, по его словам, стоит за порядок, мир, низкие налоги и против революции. «Порядок», в его понимании, – это «уважительное отношение», когда «всякие не разводят лишнюю критику» и когда «каждый несет свое бремя как положено»:

Монархия – лучший государственный строй, потому что король при ней – хозяин страны. Как хозяин дома, который, когда портится электропроводка, ее чинит. Он как отец заботится о своем народе. Своего ребенка ты всегда любишь больше, чем чужих, и делаешь

для него тоже большие. Вот так и король заботится о своем народе. Ему хочется, чтобы народ его любил. Сам-то он народ любит. При республике страна – как наемное жилье. Свет погас, и ничего... дом же не твой. Стены идут трещинами – ну и пусть. Наниматель ничего не чинит. То же самое люди, которые управляют республикой. Им не интересно ничего приводить в порядок. Если что-то в стране идет не так, и их за это прогоняют, им и горя мало – карманы-то себе набить успели.

Позиции умеренных социалистов (Итальянской демократической социалистической партии) в Монтеграно слабы. Так называемые неофашисты (Итальянское социальное движение) влиянием не пользуются.

В Монтеграно не редкость внезапные переходы функционеров из одной партии в другую. Через полгода после того как он произнес приведенную выше тираду, секретарь Монархической партии заявил, что стал коммунистом. А еще несколько недель спустя он снова сделался монархистом.

Не менее удивительным представляется непостоянство избирателей. В избирательном округе, к которому относится Монтеграно, одиннадцать коммун. Какие-то победнее, какие-то побогаче, где-то земля находится в руках большего числа собственников, где-то – меньшего. Глядя со стороны, разница между ними не принципиальна – главное, что все они чрезвычайно бедны и изолированы от внешнего мира. При этом электоральное поведение жителей сильно различается от города к городу. Как видно из приведенной ниже таблицы, в 1953 году коммунисты получили в них от 2 до 46 процентов голосов, а на выборах 1956 года – от 2 до 79 процентов.

Электоральное поведение меняется не только от города к городу, но и от выборов к выборам в одном и том же городе. Например, в Аддо, где в 1953 году коммунисты получили больший процент, чем в остальных городах, до того уверенно побеждали христианские демократы, и они же снова победили в 1956-м. В то же время в городе «F» произошел резкий отток избирателей от центра налево. Такие внезапные перемены – не редкость на юге Италии.

Таблица 1. Доля голосов, отданных за левые, центристские и правые партии на региональных выборах 1953 и 1956 годов в избирательном округе, к которому относится Монтеграно, %

Город	Население	Доля голосовавших за					
		левых		центристов		правых	
		1953	1956	1953	1956	1953	1956
<i>Монтеграно</i>	<i>3400</i>	<i>23</i>	<i>18</i>	<i>44</i>	<i>62</i>	<i>33</i>	<i>20</i>
<i>Аддо</i>	<i>1039</i>	<i>46</i>	<i>9</i>	<i>28</i>	<i>72</i>	<i>26</i>	<i>19</i>
<i>Бассо</i>	<i>6473</i>	<i>45</i>	<i>36</i>	<i>46</i>	<i>62</i>	<i>9</i>	<i>2</i>
<i>С</i>	<i>1169</i>	<i>26</i>	<i>12</i>	<i>57</i>	<i>35</i>	<i>17</i>	<i>53</i>
<i>D</i>	<i>1100</i>	<i>25</i>	<i>25</i>	<i>55</i>	<i>70</i>	<i>20</i>	<i>5</i>
<i>E</i>	<i>894</i>	<i>22</i>	<i>26</i>	<i>52</i>	<i>49</i>	<i>26</i>	<i>25</i>
<i>F</i>	<i>1695</i>	<i>19</i>	<i>79</i>	<i>68</i>	<i>17</i>	<i>13</i>	<i>4</i>
<i>G</i>	<i>859</i>	<i>16</i>	<i>21</i>	<i>43</i>	<i>69</i>	<i>41</i>	<i>10</i>
<i>H</i>	<i>2064</i>	<i>8</i>	<i>2</i>	<i>83</i>	<i>68</i>	<i>9</i>	<i>30</i>
<i>I</i>	<i>2196</i>	<i>7</i>	<i>3</i>	<i>80</i>	<i>73</i>	<i>13</i>	<i>24</i>
<i>J</i>	<i>2431</i>	<i>2</i>	<i>5</i>	<i>94</i>	<i>89</i>	<i>4</i>	<i>6</i>

Примечание: «левые» здесь — Коммунистическая и Социалистическая партии, «центристы» — Христианско-демократическая и Демократическая социалистическая партии, «правые» — монархисты и Итальянское социальное движение.

* * *

В Монтеграно и соседних коммунах, стоит человеку занять выборную должность, как избиратели сразу же ополчаются против него. Недавние сторонники заявляют — часто не без оснований, — что, усевшись в начальственное кресло, новоиспеченный чиновник зазнался, печется только о своей выгоде и берет взятки. На следующих выборах или, если получится, раньше они стараются воздать ему по заслугам. Лучший способ растерять друзей в Монтеграно — получить выборную должность.

Письмо представителя низшего класса Монтеграно своему другу за границу дает хорошее представление об особенностях политической жизни городка:

Мэр Винченцо Спомо в самом деле покинул пост. Это случилось месяца два назад. Но он ушел не потому, что сам захотел, а потому что его уволил городской совет.

Как ты знаешь, в совете было две фракции. Вернее, у христианских демократов там было две фракции, у каждой обо всем было свое мнение, и они никогда не могли между собой договориться. Спомо, как всегда, хотел устроить все так, чтобы вышло, как ему надо. Он думал, что все будет, как при прежней власти, но тут пришлось иметь дело с людьми образованными, у которых своя голова на плечах. Он такого не ожидал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.